

Lieb Z 220

Спл.
№ 1-12

ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНО ЕВРОПЕЙСКОЙ ЕПАРХІИ

Le Messager de l'Église Russe à l'étranger

№ 1.

Январь.

1930 г.

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ НОМЕРЪ.

„Христось раждается — славите!“

53,249
Katalog

ственно. Предначинательный псаломъ читаетъ самъ отецъ игумень, стоя въ кафедрѣ. Великая ектенія поется нотная. На «Господи воззвахъ» каждене совершаютъ два іеродіакона. Бываетъ соборный входъ, на который выходило до восьми паръ. «Свѣте тихій» поютъ священнослужители посреди церкви до словъ: «достоинъ еси во вся времена», когда священнослужители входятъ во святыи алтарь, и послѣднія слова пѣснопѣнія поютъ вмѣстѣ съ хоромъ, подхватывающимъ пѣніе духовенства.

Великій прокимень первый разъ поется священнослужителями въ алтарь, слѣдующіе разы поетъ хоръ, закан-

чиваютъ опять священнослужители: «Сподоби Господи» и «Нынѣ отпускаеши» поютъ пѣвчіе по нотамъ, также по нотамъ поется и сугубая ектенія. Послѣ вечерни бываетъ для священнослужителей чай на фондарику, оттуда идутъ въ келлію отца игумена славить Христа и получаютъ отъ отца игумена по апельсину съ собственныхъ деревьевъ нашей обители.

Такъ, чадо, проводится въ нашей Пантелеймоновской обители на Аѳонѣ Фалитповской постъ и всерадостный праздникъ Рождества Христова.

Іеросхимонахъ А. (К-ій).

Православный Богословскій Институтъ въ Парижѣ

Время сотвори Господеви: разориша законъ Твой. — Коль возлюбихъ законъ Твой, Господи, весь день поучение мое есть. — Дивна свидѣнія Твоя, сего ради испыта я душа моя. (Пс. 118).

Православный Богословскій Институтъ въ Парижѣ вступаетъ уже въ пятый годъ своего существованія. При условіяхъ бѣженской жизни и духовной войны за Церковь этотъ срокъ есть уже самъ по себѣ достиженіе, которое не можетъ быть вычеркнуто изъ лѣтописи нашихъ дней. Да поможетъ Господь, молитвами Пречистой и угодника Божія Сергія, его сохранить и утвердить. Значеніе Б. И. какъ пастырской школы, въ то время, когда церковное просвѣщеніе на родинѣ нашей насильственно прервано, а волны воинствующаго безбожія и богохульства

вздываются все выше, самоочевидно. Б. И. подготавливаетъ пастырей и не только для настоящихъ нуждъ бѣженства, но и для будущихъ нуждъ нашей родины. Его воспитанники достойно уже работаютъ на пастырскомъ поприщѣ. О тѣхъ же, которые еще не вступаютъ на этотъ путь, можно сказать, что для разныхъ людей существуетъ и разное время созрѣванія духовнаго и разный его типъ, а потому окончившихъ Институтъ (за отдѣльными и неизбѣжными исключеніями) можно также разсматривать какъ контингентъ будущихъ служителей или дѣятелей Церкви.

Но значеніе Б. И., какъ единственной въ настоящее время русской богословской школы, не исчерпывается задачей подготовленія пастырей, оно еще въ большей степени опредѣляется тѣмъ, что онъ есть центръ православной богословской

мысли, продолжающей русскую богословскую традицию. Здѣсь развивается богословская жизнь, и дѣятели Института, какъ бы они ни осуществляли свою задачу, **живутъ** богословіемъ. При этомъ ихъ работа производится не только при наличіи глубокой, серьезной и искренней церковности, но и въ обстановкѣ непрестаннаго молитвеннаго дѣланія. Какъ внѣшне храмъ и аудиторіи въ Сергіевскомъ подворьѣ находятся въ одномъ и томъ же зданіи и непосредственно изъ храма переходятъ въ аудиторіи и наоборотъ, такъ и внутренне богословскій трудъ освящается и просвѣтляется молитвеннымъ одушевленіемъ, постояннымъ и любовнымъ участіемъ въ богословской жизни. Эта близость науки и храма есть самая характерная и существенная черта въ жизни Института, какъ учащихъ, такъ и учащихся: богослуженіе непрестанно оплодотворяетъ и питаетъ здѣсь богословскую мысль. Богословіе, — и его жизнь, — богословствованіе, въ Церкви не есть какой то предметъ роскоши, существующій только для «книжниковъ», оно есть насущная необходимость для жизни церковной. Согласно основному ученію Православія, для спасенія необходимы и нераздѣльны не только правая жизнь, но и правая вѣра. Исповѣданіе же правой вѣры сохраняется чрезъ церковное преданіе, и притомъ не только въ памятникахъ его (символь вѣры, догматы), но и въ ихъ уразумѣніи и истолкованіи. На этомъ основаніи слѣдуетъ сказать, что вѣрность преданію выражается не только въ неизмѣнномъ блюденіи его, но и непрестанномъ творческомъ усилии къ его постиженію въ свѣтѣ современнаго сознанія. Они есть живое и живущее преданіе, которое можно сохранять, только въ немъ

творчески участвуя. Преданіе вѣрно церковной соборности. Соборное сознаніе Церкви не исключаетъ, но включаетъ въ себя всякую эпоху съ ея особыми запросами, а богословіе и есть это живое преданіе, осуществляемое соборнымъ сознаніемъ, соборной работой мысли. Если бы мы имѣли догматическій оракуль, который католики находятъ въ папѣ, можно было бы считать излишнимъ богословіе, хотя таковымъ оно не считается и въ католической церкви. Если бы мы вовсе не имѣли церковнаго преданія, то работа богословской мысли выражалась бы въ рядѣ построеній, принадлежащихъ отдѣльнымъ богословамъ, но между собою несвязанныхъ. Православное же богословствованіе имѣетъ въ своей основѣ вѣрность преданію, которое оно призвано постигать, истолковывать, а чрезъ то и участвовать въ его храненіи. Не бѣда, если при этой работѣ обнаруживается различіе личныхъ мнѣній или индивидуальностей, это и всегда такъ бывало, даже въ самую цвѣтушую патристическую эпоху. И не бѣда, если то или другое мнѣніе отдѣльных богослововъ вызываетъ споры, — богословскіе вопросы трудны, и надо помнить, что даже въ эпоху вселенскихъ соборовъ догматическіе споры продолжаютъ цѣлые вѣка, ранѣ чѣмъ достигается единомысліе. Такова жизнь церковной соборности, которая выше соннаго равнодушія или лицемернаго, вынужденнаго единогласія. Православной соборности присуща свобода въ изслѣдованіи, которая однако не есть произволь и своемысліе, ибо она имѣетъ для себя основаніе въ единствѣ церковнаго преданія и въ любви церковной. Церковь ублажаетъ подвигъ богословія, храненія священныхъ догматовъ и ихъ утвержденія. Она славословитъ

какъ вселенскихъ учителей Церкви, тѣхъ, кто являетъ собою вершины богословія. И возлюбленнаго ученика Христова, болѣе всѣхъ съ своей стороны возлюбившаго своего Учителя, она именуется Иоанномъ Богословомъ*).

Каждая эпоха, мы сказали, имѣетъ свое право на богословское существованіе, и ни одна не обижена Богомъ, но имѣетъ свое призваніе. И наша эпоха также имѣетъ свое особое призваніе къ богословствованію. Мы живемъ въ такое время, когда совершаются перевороты во всѣхъ отрасляхъ научнаго знанія, и когда, вмѣстѣ съ тѣмъ, во имя науки, ведется ожесточенная борьба противъ вѣры. Мы окружены инославными исповѣданіями, съ которыми находимся — волею или неволею — въ непрестанномъ общеніи. И мы должны умѣть защищать свою вѣру и давать достойный отвѣтъ о своемъ упованіи. Мало того, наше собственное оружіе школьной богословской науки, полученное нами отъ предыдущей эпохи, значительно изветшало и находится въ состояніи, заставляющемъ думать о глубокомъ кризисѣ въ православной «схоластикѣ» и о необходимости ея новой разработки въ духъ православія съ освобожденіемъ отъ наносныхъ вліяній. Конечно, это есть задача цѣлыхъ поколѣній, и началась она раньше насъ, но, однажды начавшись, и эта работа не можетъ быть остановлена. Таковы богословскія задачи, которыя выпадаютъ на долю Богословскаго Института.

Но богословіе требуетъ для себя,

*) Св. Симеонъ, подвижникъ и созерцатель, именуется **Новымъ** Богословомъ. Этимъ Церковь свидѣтельствуетъ, что въ богословіи она почитаетъ особый подвигъ.

въ числѣ другихъ условій, и систематической научной работы. Мы живемъ въ вѣкъ всеобщей научности, и ея требованія, конечно, по своему, сохраняютъ силу и относительно богословія, которое давно уже стало научнымъ, по своимъ методамъ, конечно, не измѣняя ничего въ своемъ существенномъ содержаніи. Наука нерѣдко оказывается скомпрометированной въ глазахъ церковныхъ людей за годность ума и надменіе разсудка, ведущія къ религіозному невѣрію. Однако все это суть свойства ученыхъ, а не науки, происходящая не изъ научности, но изъ ихъ ограниченности. По существу наука, притомъ всякая, и даже мірская, имѣетъ въ себѣ черты христіанскаго подвижничества. Она учитъ смиренію, ибо всякимъ поступательнымъ ея движеніемъ лишь раскрываются новые горизонты и встаютъ новые вопросы, а тѣмъ самымъ раскрывается глубина невѣдѣнія. Путь научнаго знанія не имѣетъ конца, потому онъ требуетъ личнаго самоотверженія для служенія задачѣ, завѣдомо превышающей единоличныя человѣческія силы. Она требуетъ напряженнаго, неусыпнаго многолѣтняго, даже пожизненнаго труда, связаннаго единствомъ цѣли. Она требуетъ суроваго самоотреченія отъ своеволія мысли ради строгости научнаго метода. Она озаряетъ свѣтомъ познанія міръ и въ немъ усматриваетъ законъ и мѣру, постигаетъ творческую мысль, и въ этомъ смыслѣ является естественнымъ богословіемъ. Это и становится явнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда самосознаніе ученыхъ не затемнено предрассудками т. наз. «научнаго міровоззрѣнія». Все это и дѣлаетъ научный трудъ внутренне сроднымъ и близкимъ христіанскому подвигу. Это поняла католическая церковь, которая су-

мѣла занятія наукой ввести въ кругъ монашескаго дѣланія, благодаря чему она имѣетъ своихъ дѣятелей во всѣхъ областяхъ знанія, не говоря уже о богословіи, въ которомъ естественная аскетика науки сочетается съ христіанскимъ подвигомъ и питается христіанскимъ вдохновеніемъ. Идея «ученаго монашества», какъ известно, вдохновляла и авторитетныхъ дѣятелей православной церкви, и она имѣетъ безспорную убѣдительность не только для монашескаго сословія въ собственномъ смыслѣ, но и вообще для православнаго богословія. Последнее можетъ и должно быть разсматриваемо и какъ аскетическое дѣланіе, не только какъ служеніе церкви, но и какъ путь личнаго спасенія. Ибо каждый христіанинъ есть духовный воинъ и подвижникъ осуществляющій духовное усиліе. Такимъ образомъ понятие научное богословіе является церковнымъ служеніемъ и въ личномъ и въ общественномъ смыслѣ и таковъ Б. И. И такое значеніе его задачи осознается тѣми инославными исповѣданіями, которыя свою любовь и почитаніе православія выражаютъ матеріальной поддержкой Б. И. Они хотятъ, чтобы русское православіе въ эту трагическую эпоху русской исторіи могло сохранить свою богословскую традицію, чтобы работа

православнаго богословствованія не прерывалась. И это есть свѣтлый фактъ христіанской любви, который иногда не даетъ покоя скрытымъ или явнымъ врагамъ православія, но который будетъ съ благодарностью нѣкогда оцѣненъ русской церковью.

Нынѣ Б. И. обращается съ призывомъ о помощи къ православному церковному народу. Эта помощь, какова бы она ни была, не имѣетъ рѣшающаго значенія для Б. И., который все равно не можетъ существовать на одни скудныя русскія лепты, ибо наука — вещь дорогая, она много требуетъ для своей организациі. Однако, русская церковная помощь имѣетъ для Б. И. огромное духовное значеніе. Б. И. есть не частная или специальная школа, но учрежденіе церковное, которое должно быть признано таковымъ народомъ церковнымъ, а таковое признаніе только и можетъ выразиться въ лептѣ церковной. Поэтому то ея наличію и придаютъ такое рѣшающее значеніе наши иностранныя друзья. Доселѣ, несмотря на всѣ вражескія навѣты, какъ и на тѣ недочеты, которые естественны въ такомъ трудномъ дѣлѣ, церковное общество не отказывало въ этомъ признаніи. Пусть же не откажетъ оно и въ наступившемъ академическомъ году.

Прот. С. Булгаковъ.

Парижъ — Сергіевское Подворье

Впечатлѣнія иностранца.

(Переводъ съ болгарскаго).

Въ сторонѣ отъ шумнаго центра Парижа, недалеко отъ бульвара Жанъ Жоресъ, находится спрятанное въ зелени Сергіевское подворье. Послѣ уличной толкотни, послѣ

железнаго рева метрополитена, проложеннаго, какъ черное чудовище подъ землей, чтобы васъ перевозить отъ одного пункта Парижа къ другому, — тишина, которая васъ